

к тексту Хронографа,¹ видна еще из того, что все три использованные для этих дополнений памятника — не только Повесть о Николе Зараском, но и повесть о Меркурии Смоленском и житие Евфросинии Суздальской — одинаково носят на себе отпечаток церковности и, сверх того, попав в один летописный свод, явно передали еще друг другу некоторые детали, типичные для житийного жанра вообще.

Так, в отличие от своего более раннего вида, повесть о Меркурии Смоленском, в той редакции, которая ей придана в „Русском Временнике“, однажды воспользовалась, при описании ужасов татарского нашествия, тем самым библейским образом — „положиша убо трупия... в брашно птицам небесным... и зверем и гадом земным“, — который широко использован во всех редакциях Повести о Николе Зараском. Синхронность трех вставок в хронографических статьях „Русского Временника“ о Батыевом нахождении едва ли, таким образом, может внушать сомнение.

Но одна из этих вставок — повесть о Меркурии Смоленском — отнесена в специальном исследовании об этой повести за счет составителя основной редакции „Русского Временника“, т. е. за счет его редакции 1533 г.² Не противоречит этой дате, с другой стороны, и то, что нам известно о времени составления жития Евфросинии Суздальской.³ Есть поэтому достаточные основания к тому же 1533 г. приурочить включение в „Русский Временник“ Повести о Николе Зараском,⁴ тем более что сам этот летописный памятник 1533 г. содержит прямое указание на особую популярность местного культа Николы Зараского как раз в то время, когда этот памятник составлялся, в тех кругах тогдашнего общества, вниманию которых он не мог не предназначаться прежде всего.

Под тем самым 1533 годом, на котором „Русский Временник“ когда-то оканчивался, находим в нем, в согласии с Воскресенской и Никоновской летописями, следующее известие: „Тоя же зымы марта в 1 день ѳздил князь великий Василей помолитись къ Николѣ к Зарас-“

¹ Примером такого приспособления может служить одинаковое наименование в согласии с хронографической статьей 6745 г., „повестью умиальной“ не только эпизода о разорении Рязани, из Повести о Николе, но и всей повести о Меркурии (в ее не встречающемся в других редакциях эпизоде).

² См. А. Т. Белецкий. Литературная история повести о св. Меркурии Смоленском. Сборник ОРЯС АН, т. ХСІХ, № 5, 1922, стр. 25. А. А. Шахматов считал повесть о Меркурии позднейшей вставкой, так как ее нет в Хронографе 1599 г. — (назв. соч., стр. 50).

³ В. О. Ключевский (Дрезнерусские жития святых как исторический источник. (М., 1871, стр. 286) относил ко второй четверти XVI в. литературную деятельность Григория, автора этого жития; С. П. Розанов, без мотивировки, считает, что житие Евфросинии составлено „не ранее половины XVI в.“ — Повесть об убиении Батия. Известия ОРЯС АН, 1916, т. XXI, кн. I, стр. 109—142.

⁴ Включение ее в более ранний вид памятника казалось А. А. Шахматову правдоподобным в виду наличия той же Повести в Хронографе 1599 г., отражающем якобы общий для него и „Русского Временника“ протограф — редакцию Хронографа 1520 г. Несостоятельность этого общего положения уже отмечена выше. Что же касается собственно Хронографа 1599 г., то из имеющихся о нем в научной литературе сведений ничего пока нельзя заключить относительно отведенного в нем нашей Повести места: таково ли оно, действительно, как и в „Русском Временнике“, или, наоборот, иное, приближающееся к положению этой Повести в некоторых списках Хронографа 1602 г., например, в списке собрания Уварова № 1363 (13), где Повесть о Николе Зараском читается лишь в Прибавлениях, вне всякой связи с собственно хронографическим текстом. См.: арх. Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А. С. Уварова. Часть III, М., 1894, стр. 48—52. О близости же редакции 1599 г. к редакции 1601 г. см.: С. Розанов. Заметки по вопросу о русских хронографах. ЖМНП, 1904, январь, стр. 129.